

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ СВЯТОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ВАРВАРЫ В ЧЕТИИХ-МИНЕЯХ СВЯТИТЕЛЯ ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО

Святитель Димитрий, составляя Жития святых для Четиих-Миней, сначала старательно собирал в имеющихся у него пособиях все сведения, какие они давали о святом, и почти всегда указывал их перед Житием. В начале Жития святой великомученицы Варвары Святителем указано: «из Метафраста, и Дамаскина, и Четии-Миней собранное». В рукописях, оставшихся после Святителя, источниками того же Жития указаны: Сурий — западный агиограф, давший в XVI веке на латинском языке «Жития святых востока и запада», и Четии-Миней «Межигорские» — не сохранившийся до настоящего времени рукописный список Житий святых, полученный Святителем из Межигорского монастыря.

В сборнике Сурия (т. 6, с. 774 и 776) находятся, во-первых, «Жизнь», составленная протонотарием Петром Галезием на основании двух греческих энкомионов (похвальных слов) — Иоанна Дамаскина и Арсения, архиепископа Керкирского; во-вторых, чудо святой Варвары, случившееся в 1448 году, и, в-третьих, «состязание — автора с Метафраста».

Четии-Миней, на которые ссылается Святитель, очевидно, не Макарьевские, а Межигорские. Какое там было Житие святой Варвары, мы не знаем, но без сомнения, как и другие славянские Жития, родственное с тою редакцией Жития святой великомученицы, которая находится в Великих Минеях митрополита Макария. А там (декабрь, 4-е число, лл. 84-б, 85-б) помещено «мучение святой мученицы Варвары и Оулиянии», родственное по содержанию с дометафрастовскими греческими списками.

В нашей статье мы постараемся указать, какой след оставили все эти источники на труде Святителя Димитрия, что он заимствовал из них и что внес в Житие от себя. Эта наша работа в значительной степени облегчается благодаря труду Я. В. Якушева. В своем интересном и ценном для интересующихся агиографией труде «Житие святой великомученицы Варвары»¹ он рассмотрел и ту редакцию Жития святой, которая составлена Святителем, и указал те вставки и дополнения, которые внес сам Святитель. Я. В. Якушев говорит, что «в числе своих источников Святитель Димитрий Ростовский называет Житие святой Варвары Метафраста и святого Иоанна Дамаскина и Великие Миней-Четии. Этим, однако, не исчерпываются все его источники. Под руками у Святителя Ростовского, несомненно, также имелось латинское Житие святой Варвары, составленное Петром Галезием, откуда им заимствована значительная часть изложения, и рукописное Житие святой великомученицы, откуда взят рассказ относительно ее крещения»². К этим вполне верным словам мы должны сделать следующие дополнения:

Во-первых, «Четии-Миней» Святитель Димитрий указывает не Великие, а Межигорские, что свидетельствуется записью Святителя в его рукописи, нами уже приведенной. Этого списка Жития святых мы не знаем, но он, без сомнения, должен быть отнесен к Киевским спискам, а они, по словам Я. В. Якушева, «обнаруживают тесное взаимное родство... и представляют собой копии с Макарьевской редакции»³.

Во-вторых, имя Иоанна Дамаскина в числе источников Святитель,

¹ См. «Труды Киевской духовной академии» за 1916 год: январь, февраль и март, с. 1 и 159, есть и отдельные оттиски.

² Там же, с. 174.

³ Там же, с. 181—182.

полагаем, указал на основании Жития, составленного Петром Галезием и помещенного у Сурия: в начале этого Жития сказано, что оно составлено на основании Иоанна Дамаскина и Арсения; подлинную же гомилию Дамаскина Святитель едва ли имел под руками.

В-третьих, под рукописным Житием святой великомученицы Варвары, упоминаемым Я. В. Якушевым, нужно понимать не какое-либо древнее Житие святой, а Житие, составленное игуменом Михайловского Златоверхого монастыря Феодосием Сафоновичем, приблизительно в 1669 году, и хранившееся в библиотеке названного монастыря (№ 1748, с. 195—200). Это Житие представляет собой краткий простой рассказ о главнейших обстоятельствах жизни святой, в большей части переведенный с польского (из П. Скарги), но отличающийся от последнего вставками. Одной из таких вставок является и эпизод о крещении святой Варвары Оригеном.

Обратимся теперь к анализу Жития, чтобы точнее указать влияние на него источников и самостоятельные вставки Святителя.

Начало Жития, где указывается место и время жизни святой Варвары и говорится об ее отце, составлено на основании всех трех источников (П. Галезия, Миней и Метафраста), при этом из Миней взято, что святая жила «на востоце» («на восток солнцу» — ВМЧ, л. 34, в); у Метафраста — название города «Илиополь (quae /regio/ vocatur Heliopolis, с. 1-я, в ВМЧ — «близе Илиоу граду»); характерные черты Диоскора — «благороден, богат, славен, родом и зловерием еллин» — взяты частью у Метафраста же (insignem, religionem quidam hentilem, valde vero divitem et hujus mundi splendore clarissimum), частью у П. Галезия («отца имела Диоскора, грека по роду) мужа знатного, исполненного богатства, но нечестивого и сильно преданного культу идолов» (Сурий, с. 774). Отношение Диоскора к святой Варваре изображается по Метафрасту, только несколько отвлеченную речь Метафраста: «ejus vero in illam erat amor, qui debebat esse ejus, qui in illam solam omnem suam spem defixerat», Святитель заменил более простым и картинным выражением: «юже аки зеницу ока храняше»; о том, что Варвара была единственной дочерью Диоскора, упоминается в Житии П. Галезия (Сурий, л. 774, второй отд.) и в ВМЧ («бе же дщи ему единочадна»).

О красоте Варвары и о вселении ее в особое помещение на столпе говорят все источники, но наиболее полно Метафраст: «так как Варвара была очень благовидна и исключительно хороша собой, он (отец) пожелал сохранить ее невредимой и не оскверненной никаким пороком и для этого, чтобы не дать возможности увидеть её кому-либо из домашних, построив высокую башню и искусно отделав в ней помещение, поместил там блаженную и она должна была там жить так, чтобы никто из посторонних не имел права входить к ней и никто из мужчин не мог взглянуть на нее» (гл. 1-я). Святитель, свободно передав эти слова, дополнил, что отец приставил к святой Варваре «добрыя детоводительницы и рабыни, уже бо умре мать ея». Описание процесса перемены религиозных убеждений Варвары под влиянием красот мира, которые созерцала святая дева, у Я. В. Якушева отнесено к вставкам, внесенным в Житие самим Святителем. Действительно, разговора с детоводительницами и рабынями нет ни в одном источнике, но повод для написания этой сцены и особенно тех размышлений, которым предается святая Варвара после беседы со служанками, несомненно, дан был Святителю следующими местами из Жития П. Галезия: «дочь, будучи совершенною противоположностью отцу, ища вечного спасения, занималась постоянным рассматриванием божественных дел Бога. Ибо с юного возраста она отстранила себя от мысли о делах тленных, человеческих и часто и усиленно думала о строении мира, о его величии и удивительной красоте, о его постоянной согласованности и, удивляясь

гармонии всех вещей, легко отсюда догадалась, что славу такого творения нужно вменять не случаю и ложным богам, а Некоторому Иному, Который все сие сотворил, и сохраняет, и движет величайшею мудростью... «В этой башне она, привыкшая с юного возраста к созерцанию небесных творений, проводила жизнь, отдавая много времени религиозным и благочестивым мыслям и часто, гнушаясь нечестивым языческим культом, исповедывала христианскую религию не только интимными чувствами души, но и открыто причисляла себя к стаду Божию, когда вела речь о различных Божественных делах, о бессмертии души, о небесных наградах, о вечном мучении, о тленности предметов мира.

В этих душевных упражнениях девица находила покой, воля ее была в законе Господнем, и в заповедях Его она поучалась день и ночь» (Сурий, с. 774, отд. 1-й и 2-й). Метафраст, не приводя подобных рассуждений, прямо говорит, что, когда святая Варвара жила в башне, «благодать Духа Святаго, незримо коснувшись духовных очей ее, просветила ее светом божественного познания и чудесно сообщила ей мысль (*potum ei fecit*) об истинном Боге» (гл. 1-я). Сравнивая с этими выдержками пространный рассказ Святителя, мы видим, что он передает те же самые мысли и употребляет иногда те же слова и выражения, но только изображает всё в образах и картинах и старается придать всему постепенность и психологическую последовательность. Так, у него святая Варвара сначала только спрашивает служанок о том, кто создал этот мир, затем размышляет об их ответе, потом озаряет ее благодать Духа Божия, она узнает истинного Творца вселенной, и сердце ее до того разгорается любовью к Нему и желанием ближе узнать Его, что она позабывает все земное, всё, чем радуются девицы в юном возрасте.

Рассказ о том, как отец святой Варвары вел с нею речь о замужестве, изложен Святителем свободно, с добавлениями и вставками, но всё же он во многом родствен Метафрастову. Здесь также говорится, что когда пришла святой деве пора замужества, отец был озабочен, за кого выдать ее, а так как, несмотря на заключение Варвары, слава о красоте ее далеко распространилась и многие знатные и богатые люди домогались руки её, отец, считая неудобным решать судьбу дочери без ее согласия, «придя к ней, о браке с нею совещается и сообщает, с каким старанием и осторожностью он желал бы заранее приготовить к нему. А она, так как не желала касаться этого дела не только сердцем, но даже слухом, отвергла это как невозможное и нелепое и, с гневом отстранив отца, сказала: в другой раз не говори со мною об этом. Ибо после этого ты не будешь называться отцом и сделаешь, что я сама наложу на себя руки» (гл. 2-я). Святитель приводит почти те же самые слова, но только мотивом отказа считает целомудрие святой Варвары и отмечает, что к последней угрозе — убить себя — она прибегает, «многая словеса вопреки» сказав увещающему ее отцу. Отъезд Диоскора в дальнюю страну Святитель ставит в непосредственную связь с отказом дочери от брака и в этом случае следует П. Галезию, который тоже говорит, что когда Диоскор не мог склонить на свою сторону дочь никакими убеждениями, то решил надолго скрыться с ее глаз, надеясь, что, побуждаемая желанием видеть отца, она сама склонится к его воле (Сурий, с. 774, л. 3). Но Галезий говорит, что постройка бани предпринята была Диоскором по просьбе дочери. Святитель отвергает это и, следуя Метафрасту или, скорее, Минее-Четии (ибо, по Метафрасту, баня уже строилась, и Диоскор, уезжая, приказывает только поспешить с окончанием ее, обещая строителям награду, — гл. 2), пишет, что отец, «отходя, повеле дому своего строителем здати баню... в бани же повеле быти двум окнам в стене единой от страны полуденныя. (В ВМЧ: «повелев слугам своим сотворити баню

и сотворити в ней оконца два зряща на восток солнци» — л. 34, в.) Святитель только добавил, что баня строилась «при купели в вертограде» Диоскора и что он приказал приставникам не возбранять без него святой Варваре сходить со столпа и беседовать с людьми. Добавление это Святитель, без сомнения, сделал потому, чтобы дальнейший рассказ не вызывал смущения у читателя: как это святая Варвара, заключенная в башне, могла сойти оттуда и беседовать со строителями бани?

Следующий отдел Жития, где рассказывается о встрече святой Варвары с христианскими девицами и о крещении ее пресвитером александрийским, не имеет ничего подобного в источниках и, как сказано ранее, заимствован из рукописного Жития, написанного Феодосием Сафоновичем (л. 196 об., 197), только Святитель опустил имя Ориген, несомненно потому, что Ориген умер задолго до гонения Диоклитиана и Максимиана, когда пострадала святая Варвара.

Отдел, где рассказывается об устройении в бане третьего окна, написан Святителем главным образом по Метафрасту, но с добавлениями из других источников. У одного только Метафраста приводится разговор святой Варвары со строителями бани, и Святитель передает его почти буквально, но добавляет из П. Галезия, что третье окно святая велела построить «во образ Святыя Троицы» (ср. § 3 у Метафраста и с. 774 у Сурия, отд. 3: «позаботилась, чтобы в этом был выражен образ Святыя Троицы»). О том, что в бане была «купель ограждена камением тесным мраморным», Святитель сообщает, следуя Минее, где сказано, что «святая Варвара сотвори своим перстом знамение честнаго креста в велицей купели прямо востоку солнечному (ВМЧ л. 34,6), но описание самого начертания взято из Метафраста, который пишет: «стоя у бассейна и смотря на восток, на тех мраморах, которые были в нем, напечатлела знамение божественного креста; и чтобы потомкам известно было то, что было сделано, и благодать Христова прославлялась, знак креста, который начертан был пальцем, как бы высеченный железом, даже до сегодняшнего дня показывается начертанным на мраморе, не только удивляя чувство, но даже и к большей вере приводя зрителей» (гл. 3). Далее у Метафраста следуют как раз те самые слова, которые Святитель приводит со ссылкой на Метафраста. Святитель, следовательно, и здесь руководствуется главным образом этим источником, но дополняет его из Миней, говоря, что «при той же бане и стопа честныя девическия ея ноги изобразися такожде на камени, и вода из стопы тоя потече, и многая послежде тамо бываху исцеления с верою приходящим» (ср. Метафраста гл. 3-ю и ВМЧ л. 34: «и вообразися стопа ноги ея в тойжде бани, из нея же святая вода течет и до сего дне, многа исцеления творящи»).

Следующий отдел, где рассказывается об оплевании святой Варварой языческих богов, о возвращении отца и беседе его с дочерью по поводу устройства в бане третьего окна, написан Святителем по Метафрасту (гл. 3 и 4), но в рассказ последнего Святитель внес много новых, своих черт. Приведем для сравнения следующее место:

у Метафраста

у Святителя

§ 4. Прошло немного времени, и отец, вернувшись к ней и осматривая домашнее, после того как посмотрел на баню и увидел третье, добавленное к двери, окно, спросил, каким образом это сле-

Посем отец ея Диоскор возвратися от пути и, рассмотрев строящаяся в дому, приступи к новосозданной бане и узрев три окна в стене, нача с гневом сваритися на слуг и строителей, почто преступиша повеление его, и не два, но три окна устроиша? Они же отвещаваху: не наша бе воля, но дочери твоея Варвары, та и не хотящим нам повеле, да три окна устроены будут. Абие убо Диоскор при-

лано, вопреки его приказанию? Когда же они ответили, что дочь его ввела эту новость, он позвал её и спросил. А она не только не отрицала этого, но сказала даже, что так и должно быть, и уверила, что сделано правильно. А он тотчас же разгневался и сказал: скажи мне, как и почему так будет лучше? Она ответила: потому что три во многом разнятся от двух; ибо три окна просвещают всякого человека, грядущего в мир. А это она сказала, указывая на величие Пресвятой Троицы. После этого отец, расстроенный и удивленный новизною речи, пригласил её с собою и, приведя к самому бассейну бани, спросил: каким образом свет трех окон просвещает всякого человека? Она ответила: отец, выслушай и пойми то, что было сказано, — и вместе показала ему знамение креста. Потом, даже пальцем указав, сказала: Вот — Отец, Сын и Святой Дух. От этого света всякая сотворенная вещь разумно просвещается.

зван Варвару, вопрошаше ю: почто третие окно в бане устроити повелела еси? Она же отвеща: лучше три, неже два. Ты бо, отче мой, повелел еси устроити два окна, во образ, якоже мню светил небесных, солища и луны, да просвещают баню, аз же повелех и третие устроити во образ Троичнаго света, ибо три суть неприступнаго, неизреченнаго, незаходимаго и немерцающаго света окна, яже просвещают всякаго человека грядущаго в мир. Отец же смутився о новости словес дщери своя во истину дивных, а ему невразумительных, поят ю особо, и став при купели банной, идеже бе крест, перстом святыя Варвары на камени изображенный, его же еще Диоскор не узре, тамо вопрошаше святую: коим образом свет триех окон просвещает всякаго человека, якоже рекла еси? Глагола святая: внемли, отче мой, и разумей, яже глаголю: Три Ипостаси Единаго в Троице Бога, живущаго в свете неприступном, просвещают и оживляют всякое создание, Отец и Сын и Святой Дух; того ради повелех трием окнам в бане быти, да едино сие (показуя перстом глаголаше) вообразает Отца, другое Сына, третие Духа Святаго, яко да и стены имя Пресвятыя Троицы прославляют. Та же показа перстом ко изображенному на мраморе кресту и рече: избрах же и знамение Сына Божия, Иже благоволением Отца, действием же Святаго Духа, спасения ради человеческого, от Чистыя Девы воплотися, и волею пострада на таком кресте, каковаго видиши изображение; того ради крестное zde избрахиз знамение, да сила крестная прогонит отсюду всю бесовскую силу. Та и множайшая о Святей Троице, о воплощении же и страдании Христовом, о силе крестной и о прочих святыя веры таинствах премудрая дева к жестокосердному отцу своему глаголющи, подвиже его на ярость велию¹.

Следующий отдел, где рассказывается, как Диоскор покушался убить дочь и как скала укрыла ее, пока не выдал ее пастух, передается снова ближе к Метафрасту, ибо у него только упомянуто, что Варвара бежала от отца, что она призывала на помощь Бога (гл. 4-я), что чудо, бывшее с нею, напоминает чудо, случившееся со святой первомученицей Фёклой и т. д. Правда, Святитель всё это излагает не словами подлинника, а свободно, вставляя свои слова, но всё же речь его из всех, бывших при нем источников, больше всего походит на рассказ

¹ У П. Галезия об оплевании святой Варварой языческих богов говорится в первом отделе и совсем в другой связи; разговор с отцом передан там весьма кратко: «Отец, возвратившись, был опечален переменою в плане здания и разгневался вследствие этого сильно. Строители вину перенесли на дочь, а она, сочтя этот случай удобным, сказала многое о славе Пресвятой Троицы; потом многими словами убеждала отца к вере в Иисуса Христа». Кратко передан весь этот эпизод и в Макарьевских Минеях (л. 34 об. а), а об оплевании идолов там и не упоминается.

Метафраста. Только Святитель опустил, что святая Варвара прокляла овец предавшего ее пастуха (*ejus oves exsecrata esset martyr* — гл. 5-я) и что в постоянное напоминание о злодеянии они, превращенные в жуков, постоянно летают вокруг гробницы (*sepulcrum*) святой Варвары, и прибавил, что сам «пастырь показавший в столп каменный» превратился. У Метафраста этого нет, там только сказано, что «*quod factum est itaque, non tulit iustitia sed statim sceleris intulit supplitium*», но какое наказание, не говорится, и далее речь идет уже о проклятии овец. Можно даже думать, что в этом и состояло наказание. У П. Галезия о наказании пастуха нет и упоминаний (Сурий, с. 775); в Макарьевских Минеях сказано только, что святая Варвара «прокляти, и быша овца его жепеличи и суть и до сего дне близ храма ея» (л. 34 об. а). Здесь оказалось влияние на Святителя снова рукописное Житие Сафоновича, где сказано, что тот пастырь, который святую указал отцу, сам «в столб каменный обернулся» (л. 198).

Рассказ о том, как Диоскор нашел дочь, как бил ее, посадил в темницу и потом предал игемону той страны Мартиану, изложен Святителем ближе к П. Галезию, который говорит, что, найдя святую Варвару, отец жестоко бил ногами её бока, спину кулаками и за волосы потащил ее домой, а там заключил ее в темницу, мучил голодом и жаждою и, предав Мартиану, отрекся от нее и просил мучить за измену вере (Сурий, с. 775, отд. 4-й и 5-й). Но кое-что взято и у Метафраста: например, что заключена была святая в хранине малой (*in parva domuscula*), что к ней приставлены были стражи и двери туда были запечатаны (*impropens custodes et ostium obserans et obsignans* — § 5). Косвенная речь Галезия о том, что Диоскор отрекся от дочери, заменена у Святителя прямою: «отрицаюся аз ея, понеже она отвержесе богов моих»... и т. д.

Допрос у Мартиана и первая пытка изложены Святителем по Метафрасту, но с дополнениями и вставками (ср. гл. 6-ю). Некоторые из последних характерны для Святителя. Например: «и бе целомудренней, чистей, святей девице первое то мучение тягчайших ран не меньшее, назей стояти пред очесы мужей многих, бесстыдно и неуклонно на обнаженное чистое девическое тело смотрящих». Или: «обаче вся тыя муки, паче бури и ветра, на хранину младыя и немощныя плоти девическия находящыя, не поколебаша крепкия в вере мученицы Варвары: основана бо бе на камени — Христе Господе своем, о Нем же и Его же ради тыя горькия болезни сладце терпяше».

Последнее сравнение, впрочем, есть и у П. Галезия. Много своего вносит Святитель и в дальнейший рассказ — о явлении святой мученице Христа-Спасителя ночью в темнице. Вот как передает об этом Метафраст, у которого рассказ полнее, чем в других источниках: «Когда наступила полночь, свет осветил ее со всех сторон с высоты и явился Христос, внушивший ей мужество и повелевший, чтобы она не боялась никакого зла со стороны людей. Ибо Я, сказал Он, с тобою и сохраню тебя под тенью крыл Моих. Еще не окончились эти слова, как с мученицей совершилось то же, что сказано было Исаией. Ибо настолько быстро произошло ее исцеление, что удары, как будто и совсем их не было, исчезли на теле, радость и восторг наполнили душу святой, и радость вечная взошла над главою ея, как опять повторю, говорит об этом Исаия» (гл. 7-я). Сравнив этот отрывок с рассказом Святителя, мы видим, сколько новых, живых и художественных черт внес сюда Святитель: у него святая Варвара в темнице «еле жива», молится возлюбленному жениху-Христу, при виде света «ужас и радость ощути в сердце», от слов Господа «всятаяше аки воск от огня божественнаго желания, и аки река любовию к Нему разливаешесе», а после явления «баше святая Варвара в темнице аки на небеси Серафимскою любовию к Богу распалаяся, и славословя Его сердцем и усты, воздаючи благо-

дарение Господу, яко не презре, но посети рабу Свою страждущую имене Его ради». И т. д.

Рассказ об Иулиании и вторых муках святой Варвары ведется опять главным образом по Метафрасту; у него Святитель заимствовал в этом отделе (гл. 7-я, 8-я и 9-я) многие собственные речи и перевел их большей частью буквально, но в остальном изложение Святителя свободнее, и в нем встречаются слова и фразы, взятые из Миней. Например, на основании их Святитель пишет, что Иулиания «нача укоряти бесчеловечное мучительство немилосердаго игемона и боги их поганския хулити» (ВМЧ: «и нача хулити поганствие», л. 34 об. в); что игемон повелел святую Варвару водить нагою по городу «пхающе и биюще» (ВМЧ — там же); что Христос-Господь послал к ней «ангела светла» (ВМЧ: «и посла Господь Христос ангела Своего со одеждою белою и оде тело ей» — там же). В конце этого отдела Святитель говорит, что святая Иулиания также была водима нагою по городу; у Метафраста и в Минее этого нет, но Петр Галезий упоминает об этом, и у него та и другая (utraque) мученицы водятся по городу. Из вставок в этом отделе отметим следующее: Святитель пишет, что «не возможно бе не точию юней той отроковице, но ниже крепчайшему мужу от таковых мук живу быти, аще не бы укрепляла невидимо агницу Христову сила Божия»; или «тако святей молящейся, свыше помощь невидимо им к мужественному терпению подавашеся».

Конец Жития опять ближе всего к Метафрасту (гл. 10-я и 11-я). Так, например, предсмертная молитва святой Варвары есть буквальный перевод из этого источника; согласно изложению Святителя с Метафрастом и в других местах. Кое-где, впрочем, сказывается влияние и Миней, например: «Диоскора же и Мартиана игемона постиже внезапная казнь Божия: ибо того с горы сходяща, а онаго к дому сядяща, гром и молния с небесе ударише поби, а пожеже я тако, яко ниже праху оных обрестися», — так у Святителя; в Минее: «и егда возвратися отец ея, огонь с небесе спаде и сожже и со Максимяном мучителем, яко ниже праху обрестися ею» (л. 35, а). Благочестивого мужа, погребшего святых мучениц, Святитель называет «Галентиан», между тем в источниках везде он именуется *Valentinianus* (Метафраст, гл. 11-я), «Уалентиос» (ВМЧ, л. 35, а), в рукописном житии Сафоновича «Валентиян» (л. 200). После Жития святой великомученицы Варвары Святитель поместил большое замечание¹ «о честных мощах святыя великомученицы Варвары». Это замечание взято Святителем у того же Феодосия Сафоновича, о рукописном Житии святой великомученицы которого мы уже говорили. В упомянутой нами рукописи Киево-Михайловского монастыря после Жития святой Варвары помещается (л. 200—216) «Повесть о преславных чюдах святой великомученицы Варвары» с «предисловием» и исторической заметкой «о мощах святой Варвары». Эта-то повесть и эта заметка и послужили материалом Святителю Димитрию для его замечаний.

Произведенный нами анализ, полагаем, с достаточною ясностью показывает, как тщательно и внимательно Святитель Димитрий изучал все имеющиеся у него источники составляемого им Жития и как много глубокой веры и сердечной теплоты вносил в их изложение.

Протоиерей Александр Державин

¹ В этом замечании приводится, между прочим, свидетельство о мощах святой Варвары патриарха Антиохийского Макария, посетившего Киев в 1656 году; патриарх здесь говорит, что «Илиополь град, идеже святая великомученица Варвара пострадала, естъ в моей патриархии, не далече от Антиохии». Если Святитель оставил это без исправления, значит, он разумел Илиополь Сирийский, а не Египетский, как думает Я. В. Якушев (см. ТКДА, 1916, февраль — март, с. 213 и 200, прим. 3).

Магистерская диссертация протоиерея Александра Державина (см. о нем «ЖМП», 1963, № 6, с. 30—33) «Четии-Миней Святителя Димитрия, митрополита Ростовского, как церковно-исторический и литературный памятник», 1953, главу из которой представляет собой публикуемое «Житие», особенно выделяется среди многих других, хранящихся в Московской духовной академии (эта работа имеется и в рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина). Она явилась плодом всей жизни неутомимого исследователя, ценным вкладом в русскую агиологию. Труд состоит из пяти частей. В первой части проведен научный анализ греческих (I—X вв.) и русских форм агиографии, выработанных за весь предшествовавший Святителю Димитрию период. Наряду с этим также представлена вся предыстория Четих-Миней на Руси в рукописной и издательской традициях. Вновь переосмысливая опубликованное и неопубликованное наследие Димитрия Тупталы (наряду с монографией И. А. Шляпкина «Святый Димитрий Ростовский и его время», СПб., 1891,— это второе фундаментальное исследование), отец Александр Державин раскрыл с глубокой научной добросовестностью неповторимый лик Святителя-ученого. Он открывает новые черты его жизни, не замеченные И. Шляпкиным и другими жизнеописателями Ростовского митрополита. Во второй части автор как бы вводит читателя в келью ученого монаха, где среди сотен книг — Восточных и Западных Месяцесловов, «Житий святых» Симеона Метафраста, «Житий святых востока и запада» Лаврентия Сурия, «Житий святых отцов» (Vite Sanctorum Patrum) Россвейда, «Актв мучеников» Руинарта, «Деяний святых» (Acta Sanctorum), «Церковных летописей» (Annales ecclesiastici) и Римских мучениководий (Martyrologium Romanum) Барония, «Житий святых Петра Скарги» (Skarga, Zivoty swetych), материалов греческих историков и многочисленных славянских рукописей — с еще большей выразительностью предстает образ святого отца Русской Церкви — Димитрия, впоследствии митрополита Ростовского. Отец Александр создает новый метод структурного анализа в агиографии. Благодаря ему обнаружен конкретный состав источников, которыми пользовался Святитель при составлении Четих-Миней, и выявлен метод его работы. «Разбор Житий святых со стороны их источников,— говорит автор,— показал нам... сколько изучил и просмотрел капитальных агиографических и церковно-исторических изданий Святитель Димитрий... С точки зрения полноты использованной им агиологической литературы, мы не можем сделать Святителю ни одного упрека,— он привлек всё, что могла она дать ему в то время, и изучил собранный материал внимательно и добросовестно» (с. 257). Этот разбор составил три дополнительных тома к основному исследованию отца Александра Державина (I том содержит источники и разбор каждого Жития с сентября по декабрь месяц, II том — с января по апрель, III том — с мая по август).

Эта диссертация с достаточной научной объективностью и богословской эрудицией продолжает свидетельствовать, что Святитель Димитрий «совершил весьма важное, общенародное дело и подвинул далеко вперед развитие русской агиографии... Завершив труды своих предшественников, Святитель Димитрий положил начало и сделал первый шаг в деле научного изучения агиографии и критического исследования Житий... С любовью принятые народом, нашедшим в них выражение своих исконных чаяний, своих воззрений и желаний, Четии-Миней Святителя Димитрия сделались национальным достоянием, одною из тех книг, по которым вырабатывались и складывались своеобразные духовные особенности русского православного человека» (с. 386). — Фед.